

Ю. В. Ставропольский

Социологическая феноменология А. Шютца и становление японской феноменологической социологии

В статье рассматриваются основные этапы развития феноменологической социологии в Японии. После окончания второй мировой войны, социологические исследования в Японии испытывали на себе сильнейшее влияние со стороны американской функционалистской социологии. Начиная с семидесятых годов, вектор японской социологической мысли переориентировался с американской функционалистской социологии на феноменологическую социологию. Особое внимание обращается на социологические концепции основных представителей феноменологического направления в японской социологии

Ключевые слова: феноменология, социология, интенциональность, интерсубъектность, сознание, действие, критика

Yu. V. Stavropol'skii

Sociological phenomenology A. Schutz and formation Japanese phenomenological sociology

The article considers the basic stages of development of phenomenological sociology in Japan. After world war the second, sociological research in Japan has experienced the strongest influence on the part of the American functionalist sociology. Since the seventies, vector Japanese sociological thoughts shifted from American functionalist sociology on phenomenological sociology. Special attention is paid to the sociological concept of the main representatives of the phenomenological trend in the Japanese sociology

Keywords: philosophy, sociology, intentionality, intersubjectivity, consciousness, action, criticism

Трослеживая историю феноменологической социологии в Японии, нельзя пройти мимо таких японских социологов, как Масамити Симмэй (Sinmei) (1898 – 1984), Дзисе Усуи (Usui) (1890 – 1991) и Кадзута Кураути (Kurauchi) (1896 – 1988). Все трое в большей или меньшей степени испытали на себе влияние веймарской либеральной культуры двадцатых годов, либо непосредственно благодаря учебе в Германии, либо косвенно благодаря литературе того времени и своей страсти к чтению.

Немецкое влияние на японскую социологию начинается в девяностые годы XIX века, когда в эпоху Мэйдзи японское правительство стало отправлять большое количество студентов в Германию. Они должны были изучить прусскую модель государственного управления и впоследствии реализовать эту модель на родине. После первой мировой войны и поражения Германии, интерес к прусской консервативной модели уступил место интересу японцев к либеральной

философии неокантианцев, В. Дильтея и Г. Зиммеля. Это младшее поколение студентов стали называть поколением демократии тайсе (taisho). К этому поколению принадлежали М. Симмэй, Д. Усуи и К. Кураути.

Феноменологическую философию привез в Японию выдающийся японский философ Китаро Нисида (Nishida), и до начала второй мировой войны она занимала центральное место. В 1920 году К. Нисида опубликовал книгу «Проблема сознания» (Ishiki no mondai) с посвящением Э. Гуссерлю. В полемике с Э. Гуссерлем, У. Джемсом, А. Бергсоном и другими западными философами, К. Нисида разрабатывал собственную концепцию. На этом интеллектуальном фоне в Японии развивалась феноменологическая социология. К концу двадцатых годов феноменологическая социология (Genshogakuteki shakaigaku) приобрела известность в Японии. В 1928 году М. Симмэй опубликовал статью «Формальная социология и феноменологическая социология», в которой присутствуют неоднократные ссылки

на немецких феноменологических социологов М. Шелера, Э. Крассауера, Т. Литта, Ф. Зандера, А. Фиркандта, А. Вальтера и Г. Вальтер. Это был первый в Японии систематический анализ немецкой феноменологической социологии. В том же 1928 году М. Симмэй опубликовал свою работу «О теории формальной социологии» (Keishikishakaigakuron), свидетельствующую об энтузиазме молодого социолога, стремившегося привнести в японскую науку свежие зарубежные идеи.

Специалисты ставят обе публикации М. Симмэя в один ряд с работами таких авторов, как Л. фон Визе и Р. Арон. Не следует забывать, что Р. Арон, в отличие от М. Симмэя, имел возможность непосредственно наблюдать развитие немецкой социологии до прихода к власти нацистов. М. Симмэй разработал собственную социологическую концепцию, которую назвал Kouigenkan. Это означает социологию, основанную на понятии связующего действия в качестве синтеза формы и содержания. Он пришел к своей концепции благодаря критике формальной социологии Г. Зиммеля. С одной стороны, М. Симмэй придавал большое значение эмпирической социологии в том, что касается принятия идеи феноменологической социологии, с другой стороны, подчеркивал важность интуитивного метода и приложил руку к мистификации феноменологической социологии. Можно сказать, что М. Симмэй критиковал наивное применение эйдетического метода и преувеличение феноменологии в социологии. В опубликованной в 1939 году книге «Основная проблема социологии» (Shakaigaku no kisomondai), он цитирует А. Шютца по поводу концепции действия М. Вебера и важности осмысления.

Д. Усуи высказал свое отношение к феноменологии и социологии в предисловии к своим «Эссе по социологии» (Shakaigaku gonshu), опубликованным в 1964 году. В методологическом отношении феноменология его не удовлетворяла, но его зачаровывал и глубоко интересовал строгий и точный анализ тех образов и конституирующих моментов сознания, которыми оперирует феноменология. Он первым в Японии занялся изучением М. Вебера, однако веберова теория идеальных типов его разочаровала, и постепенно он переключился на феноменологию Э. Гуссерля, в которой надеялся найти более определенное основание социологии.

В то время, когда Д. Усуи занялся социологией, в Японии отмечался расцвет не социологии, а философии. С одной стороны, приобрела широкую известность философия К. Нисиды, а с другой стороны получила широкое признание неокантиантская философия. Кроме того, приобрел известность В. Дильтей, и феноменологию в конце концов заметили. Д. Усуи полагал, что, избрав для себя социологию, он не имеет права проходить мимо таких вопросов как что

такое социология и каким образом она возможна.

Д. Усуи изучал М. Вебера в семинаре К. Нисиды в университете Киото, и под его руководством занимался переводом немецкого социолога на японский язык. Д. Усуи стремился, взяв в качестве основания социологии феноменологию, превратить социологию в точную науку. Одной из центральных проблем социологии он полагал анализ актов мышления или сознания. Попытки развития методологии М. Вебера с применением строгой феноменологической семантики, онтологии М. Хайдегера и философии К. Нисиды получили выражение в произведении «Понимание альтер-эго» (Тага но гуокай), увидевшем свет в 1945 году. В каком-то смысле на протяжении тридцатых годов Д. Усуи был занят решением той же принципиальной проблемы создания философского основания социологии, которой занимался в Вене А. Шютц. Однако, ни в одной работе Д. Усуи нет ни одного упоминания об А. Шютце.

К. Кураути применил феноменологический метод к социологии культуры. Он утверждал важность личного опыта для социологического знания и заявлял, что социальное есть факт пережитого опыта (Erlebnis), на чем основана вся наша социальная жизнь. Без того, что дается в формах пережитого опыта, сущность общества познать невозможно. Разумеется, многообразные конкретные актуализации социальной жизни можно наблюдать помимо нас, но принципиальные положения и основополагающие структуры обязательно содержатся в структуре пережитого нами опыта. Поэтому при разработке принципиальных социологических понятий важно интуитивно отличать универсально значимые факты от конкретного жизненного опыта, избавляясь от несущественного. В социологии такой метод прижился лишь после того, как Э. Гуссерль создал чистую феноменологию,

К. Кураути следующим образом представлял отношение феноменологии к социологии. Социальные феномены отличаются от естественных феноменов благодаря явлению интенциональности. Например, когда человек меняет свое отношение к чему-либо через изменение своего положения в обществе, когда образуется или распадается группа, когда некая политическая идея подталкивает общество в определенном направлении — всегда существуют процессы, отправной и конечной точкой которых оказывается сознание. Поскольку осмысленные феномены существуют лишь для такого субъекта, который способен их переживать, то социальные феномены должны непосредственно переживаться в соответствии с их интенциональным содержанием, а социологический порядок зиждется на закономерностях и формах проявления человеческого сознания. Необходимость основания социологии определяется свойствами,

присущими сознанию, которые следует открыть подобно тому, как были открыты аксиомы геометрии. При каких условиях возможны подобные необходимые и универсально валидные переживания? Если необходимо открыть феномены человеческой жизни, из которых образуются социальные отношения, то социологическое знание должно вернуться к интуиции, которая аподиктична. Объектами интуитивного понимания должны стать категориальные формы, избавленные от конкретных факторов с их эмпирическими примесями и до предела обобщенные. Здесь возникает идея формальной социологии. Тематами формальной социологии выступают, к примеру, обобщенные групповые категории, обобщенные социальные нормы, обобщенный социальный тип и т. п. Они относятся к верхнему уровню социологии, с которого возможен переход в сферу подлинной феноменологии. Поскольку социология ориентируется на выражение интенциональной жизни социализированных людей, то не существует коренной разницы между объектом социологии и объектом феноменологии. Все социологическое знание основывается на формальной социологии, а формальная социология гарантирована феноменологическим пониманием базовой структуры сознания.

В разработке основания социологии К. Кураути следует за Э. Гуссерлем и расширяет пределы интуиции. Им разработаны структурный анализ «я»-опыта, взаимности перспектив, «я-ты», теория многомерной социальной реальности, временная структура общества, динамическая структура взаимно чуждых социальных групп.

Общим для М. Симмэя, Д. Усуи и К. Кураути является не только их интерес к феноменологической социологии. Все трое стремились выработать строгое научное основание социологии на основе феноменологических принципов, при этом каждый понимал феноменологию несколько иначе. Как уже отмечено, в этот период в Вене А. Шютц занимался решением точно такой же проблемы. Если бы состоялось знакомство с работами А. Шютца (хотя отрывочные ссылки на него имеются), то круг методологических проблем академического социологического сообщества в Японии в тридцатые годы мог бы стать иным. Однако, содержание и формы философского основания социологии, выработанного А. Шютцем, остались втуне. Прошло почти полвека, пока работы А. Шютца пришли в Японию через США!

В Японии феноменологическую социологию А. Шютца заметили в середине семидесятых годов благодаря младшему поколению социологов, которых называли послевоенным поколением (*sengo sendai*). Большинство из них родились после 1940 года и получили образование в послевоенной демократической Японии. Тем

временем большинство японских ученых, занимавшихся социальными науками, исследовали проблемы современного им японского общества в целом, в первую очередь политическую демократизацию, экономическую модернизацию, урбанизацию, индустриализацию, рационализацию и отчуждение. В 1964 году в Токийском университете прошел симпозиум, посвященный столетию М. Вебера, на котором подробно рассматривались М. Вебер и К. Маркс, М. Вебер и Т. Парсонс, но прошли мимо М. Вебера и А. Шютца.

После окончания второй мировой войны, социологические исследования в Японии испытывали на себе сильнейшее влияние со стороны американской функционалистской социологии и европейской социологии в духе К. Маркса — М. Вебера и модернизма. Вплоть до конца шестидесятых годов в Японии изучался М. Вебер без обращения к А. Шютцу. Единственное исключение — монография Хидео Аоямы (Aoyama) 1950 года «Социальная теория Макса Вебера» (Max Weber no shakaigiron).

В середине семидесятых годов возникает радикальная социология как критическая реакция на объективистскую и функционалистскую социологию, но и она была заимствована в контексте американской социологии. Одновременно, вместе с попытками изменить функционалистскую парадигму социологии, в японскую социологию проникает феноменологический подход. Говоря о феноменологической социологии как о новой парадигме, следует прежде всего обратить внимание на книгу П. Л. Бергера и Т. Лукманна «Социальное конструирование реальности», японский перевод которой «*Nitijosekai no kousei*» увидел свет в 1977 году. Эта книга позволила обобщить новую концепцию и метод. Привлекательность П. Л. Бергера и Т. Лукманна для молодых японских социологов объясняется тем, что эти авторы прямо выступили против традиционной социологии, опираясь на идеи Т. Парсонса, сформулированные в 1937 году в «Структуре социального действия». Они поступили в отношении Т. Парсонса примерно таким же образом, каким он сам в свое время поступил с трудами великих предшественников: М. Вебера, Э. Дюркгейма, В. Парето и К. Маркса. Книга П. Л. Бергера и Т. Лукманна обращена не к отдельным положениям из трудов разных авторов, она представляет собой единую систематически изложенную теорию. Поняв это, молодое поколение устремилось в мир альтернативной социологии, социологии обыденной повседневности [5]. Молодежь, которая выросла в условиях экономического подъема, сознательно или бессознательно стремилась освободиться от наследия предшественников, мечтавших о бесклассовом обществе, но не знала, как это сделать, а П. Л. Бергер и Т. Лукманн указали им путь.

В 1991 году на японский язык переведена книга Ю. Хабермаса «К логике социального познания» (*Shakaigaku no ronrini yosete*). Японский перевод несколько запоздал – в Германии книга опубликована в 1967 году. Ю. Хабермас попытался обобщенно взглянуть на новые тенденции в философии социальных наук в Европе и в США после второй мировой войны. Ему удалось нарисовать картину современного состояния социальных наук и содействовать распространению новых обществоведческих концепций, в том числе феноменологической социологии. Однако, успех книги Ю. Хабермаса привел к непредумышленному упрощению рассматриваемых концепций, что не способствовало точности их понимания. Так, он опрометчиво ограничил пределы исследования феноменологической социологии анализом сознания.

Третьей публикацией в этой связи стала книга А. Шютца «Смысловая структура социального мира», японский перевод которой «*Shakaiteki sekai no imikousei*» вышел в свет в 1982 году. В 1998 году в Японии ее включили в список классических книг по социологии наряду с «Левиафаном» Т. Гоббса и «Социальной системой» Н. Луманна. Великолепный японский перевод избавляет читателя сразу от двух проблем, связанных с пониманием немецкого языка и феноменологии [4].

Благодаря этим трем книгам, вектор японской социологической мысли начиная с семидесятых годов переориентировался с американской функционалистской социологии на критическую социологию франкфуртской школы, на феноменологическую социологию и т. п.

В 1974 и 1975 годах на заседаниях Японского социологического общества зачитывались доклады о различных аспектах концепции А. Шютца, впоследствии феноменологическая социология в Японии стала полностью идентифицировать себя с феноменологией А. Шютца.

Из всего многообразия исследований А. Шютца в Японии в восьмидесятые годы наиболее значительным представляется монография Ватару Хиромацу (*Hiromatsu*) «*Genshogakuteki shakaigaku no soken – Alfred Schutz kenkyu-poto*» («Прототип феноменологической социологии – исследовательские заметки об Альфреде Шютце»), опубликованная в 1991 году [1]. Несмотря на то, что автор избрал жанр исследовательских заметок, ему удалось вычленивать и далее развить основные положения концепции А. Шютца. Особого внимания заслуживает рассмотрение В. Хиромацу следующих двух проблем. Во-первых, важен вклад В. Хиромацу в осмысление труда А. Шютца «Смысловая структура социального мира», во-вторых – критика А. Шютца с позиций марксистской социальной философии, в особенности критические замечания по поводу проблемы А. Шютца и М. Вебера.

В. Хиромацу расценивает произведение «Смысловая структура социального мира» в качестве прототипа феноменологической социологии, который получил широкое признание среди ученых первого эшелона не в одной лишь социологии, но вообще в социокультурных исследованиях. Однако, многие места затруднены для понимания по причине философских нагромождений. Задача философа – облегчить читателям детализированное восприятие текста А. Шютца. Лучше всего справиться с данной задачей удается благодаря жанру исследовательских заметок.

Восемь глав книги В. Хиромацу посвящены поставленной цели: «Проект социальной философии А. Шютца», «Компоновка социальной философии А. Шютца», «А. Шютц и тень А. Бергсона», «О понимании А. Шютцем Другого» (две главы), «Шютцева теория мира непосредственно переживаемой реальности», «Шютцева теория мира современности», «Исследование А. Шютцем понимающей социологии».

Две трети текста книги В. Хиромацу принадлежит прямым цитатам из «Смысловой структуры социального мира», все цитаты переведены собственноручно с немецкого оригинала. Однако, поскольку книга В. Хиромацу написана полуклассическим стилем японского языка, не все авторские комментарии удастся понять. В. Хиромацу пришлось затратить немало усилий для перевода на японский язык таких терминов, как *Umwelt, Mitwelt, Vorwelt, Nachwelt, Handeln, Handlung* и т. п. Иногда он слишком буквально трактует определения, педантично вникая в смыслы слов, например, объяснение слова *kontinuierlich* занимает три страницы. Поэтому, при чтении книги В. Хиромацу возникает полное ощущение того, что читаешь текст самого А. Шютца. Сложно найти сравнительный аналог столь кропотливо выполненному исследованию.

Несмотря на столь трепетное отношение к «Смысловой структуре социального мира», В. Хиромацу относится к А. Шютцу критически. Его критическое отношение переходит с А. Шютца вообще на всех социологов, которые являются сторонниками социологической теории социального действия. Из авторского предисловия явствует, что в то время В. Хиромацу планировал аналогичный проект, посвященный исследованию М. Вебера, Дж. Мида и Т. Парсонса, который он собирался назвать «Исследовательские заметки о теории социального действия».

Корректное понимание критики А. Шютца со стороны В. Хиромацу требует понимания того, к какой цели стремится В. Хиромацу, критикуя теорию социального действия. Критическое отношение В. Хиромацу к теории социального действия проявляется в следующих утверждениях. В. Хиромацу является сторонником отрицания концепции Э. Дюркгейма, которая

представляет собой самодостаточный социальный физикализм объективно установленных социальных феноменов, и концепции М. Вебера, ориентированной на понимание субъективно реализуемого смысла атомов, т. е. индивидов и их действий, через преодоление оппозиционной парадигмы (гиподигмы) субстанциализма общества — субстанциализма индивида, которая лежит в основании обеих концепций. В. Хиромацу стремится к отрицанию современного взгляда на человека и общество, критические замечания В. Хиромацу в отношении А. Шютца и М. Вебера исходят из этой практико-теоретической точки зрения.

Критика А. Шютца со стороны В. Хиромацу такова. А. Шютц допускает, что М. Веберу удалось определить окончательную исходную точку любой адекватной теории в социальных науках. Исходя из этого допущения, А. Шютц предпринимает скрупулезный анализ субъективного смысла — центрального понятия в концепции М. Вебера. В. Хиромацу задается вопросом о том, насколько успешна преемственность концепции А. Шютца по отношению к понимающей социологии М. Вебера, если отнестись к усилиям А. Шютца под критическим углом зрения, предполагающим отрицание упомянутой выше оппозиционной гиподигмы современного взгляда на человека и общество. В. Хиромацу считает оправданным утверждение, что М. Веберу удался онтологический прорыв сквозь рамки субстанциализма индивида, но, исчерпав индивидуализм, М. Вебер исчерпал себя. Нет никакого сомнения, что теории социального действия М. Вебера требуется новый метод. В этой связи усилия А. Шютца по философскому обоснованию понимающей социологии М. Вебера и ее преемственному развитию в методологическом отношении расширяют и делают более очевидными проблемы, присущие веберовой парадигме.

За критикой со стороны В. Хиромацу скрывается важный вопрос понимания методологического проекта «Смысловой структуры социального мира». Следует ли расценивать «Смысловую структуру социального мира» в качестве философского обоснования теории социального действия М. Вебера с привлечением для этого трансцендентальной феноменологии Э. Гуссерля? В роли критического наследника М. Вебера, А. Шютц благополучно существует в мире трансцендентальных эго и индивидуального субстанциализма, всерьез занимаясь проблемой интересу субъективности. Но это интермодальная интересу субъективность на когнитивном уровне [6], а не интеракция на онтологическом уровне.

Тем не менее, философская интерпретация В. Хиромацу способствовала тому, что на протяжении восьмидесятых годов в Японии труды А. Шютца были широко восприняты в качестве

попытки описания устройства социального мира в форме смыслового контекста актов индивидуального сознания. Сложилось своего рода трио. Ю. Хабермас в шестидесятые годы определил феноменологическую социологию как анализ сознания. В семидесятые годы С. Ямагути сформировал образ субъективиста А. Шютца. В восьмидесятые годы В. Хиромацу сформулировал проблему А. Шютца как трансцендентальное эго в гуссерлианском смысле. Такое более-менее преувеличенное представление об А. Шютце и его феноменологической социологии глубоко проникло в японскую социологию и другие общественные науки, предопределив ситуацию с исследованиями А. Шютца.

Однако, в девяностые годы ситуация стала меняться. Появились новые материалы, и специалисты-шютцеведы опубликовали несколько серьезных исследований. В 1994 году Масатака Катагири (Katagiri) опубликовал монографию «Schutz no shakaigaku» («Социология А. Шютца»), в 1995 году Мототака Мори (Mori) «Alfred Schutz no Uien» («Альфред Шютц в Вене»), в 1997 году Хисаси Насу (Nasu) «Genshogakuteki shakaigaku heno michi» («Метод феноменологической социологии»), в 1998 году Кадзухиса Нисихара (Nishihara) «Imi no shakaigaku — Genshogakuteki shakaigaku no bouken» («Социология смысла — приключение феноменологической социологии»). В каждой из этих знаменательных публикаций девяностых годов представлено новое видение концепции А. Шютца.

В 1997 году в университете Мусаси (Musashi) состоялся симпозиум Японской ассоциации изучения истории социологии на тему «Современное значение феноменологической социологии». Один из докладчиков профессор К. Нисихара наметил четыре проблемы, над которыми в будущем предстоит работать специалистам по А. Шютцу. Первая проблема — проследить идеи А. Шютца в имманентном процессе их развития. Вторая проблема — проследить отношение А. Шютца к его интеллектуальным предшественникам, современникам и последователям, в особенности среди феноменологов и социологов. Третья проблема — история принятия концепции А. Шютца социологией с фокусом на социологической теории. Четвертая проблема — в каком направлении следует продолжать вести дискуссию об А. Шютце: либо критическая преемственность, либо преемственное развитие концепции А. Шютца.

Некоторые проблемы, поставленные К. Нисихара, уже находят свое решение в США и в Европе, расширяя интеллектуальные горизонты шютцеведения. Сам К. Нисихара занимается четвертой проблемой, которой посвящена его монография «Социология смысла — приключение феноменологической социологии» [2], выступив последователем покойного В. Хиромацу.

Монография М. Мори «Альфред Шютц в Вене» [3] имеет подзаголовок «Идея либерального превращения обществоведения и его цикл». Автором собрана уникальная коллекция документов, проливающих свет на формирование мышления А. Шютца в его бытность в Вене (1889 – 1938), на то, в каких обстоятельствах была написана «Смысловая структура социального мира», на то, как А. Шютц отстаивал собственную точку зрения на так называемую феноменологическую социологию.

Многостраничный том (748 страниц) разделен на четыре части и на десять глав. Часть первая называется «Полемика о социальном приеме» включает главы «А. Шютц в столичном городе Вене», «Основные республиканские идеи», «Социологический спор о политике», «Эпоха терапевтического нигилизма». Вторая часть «Основные течения социологической мысли в Вене в двадцатые годы» содержит главу «Тупик социальной теории, основанной на эпистемологической критике». Третья часть «Попытка превращения, которую предпринял А. Шютц – концепция конститутивной теории социального мира» состоит из глав «Четыре рукописи двадцатых годов», «Влияние Макса Вебера», «Смысловая структура социального мира». Четвертая часть «Либерализм как метафора» содержит главы «Между социальной наукой и

идеалистической философией», «Начало и конец нового мира».

Уникальность монографии М. Мори в ее авторском замысле показать развитие концепции А. Шютца на фоне Вены двадцатых годов – места, где кипела интеллектуальная жизнь, о чем сегодня забыли. Проведенный в Вене и Нью-Йорке историко-социологический анализ окказывает нам А. Шютца – ученого-обществоведа в контексте грандиозных событий той эпохи, и одновременно знаменует новую эпоху – глобализации социологических исследований.

Дальнейшему распространению идей А. Шютца в Японии способствовало новое поколение японских переводчиков, благодаря скромному труду которых произведения А. Шютца сделались намного ближе к японскому читателю. Японские ученые-шютцеведы поддерживают тесные контакты с коллегами из США и Европы. В будущем предстоит высвободить А. Шютца из-под эпистемологических чар В. Хироматсу. Для этого потребуются изменить парадигму и реконструировать шютцеву онтологию жизненного мира уже не в качестве эпистемологической проблемы, но как антропологическую прагматическую проблему. Для этого потребуются, как указал К. Нисихара, проследить идеи А. Шютца в имманентном процессе их развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Hiromatsu W. Genshogakuteki shakaigaku no sokei – Alfred Schutz kenkyu-noto. Tokyo: Seidosha, 1991.
2. Nishihara K. Imi no shakaigaku – Genshogakuteki shakaigaku no bouken. Tokyo: Kobundo, 1998.
3. Mori M. Alfred Schutz no Uien. Tokyo: Shinhyoron, 1995.
4. Волгина М. Ю. Перевод терминов как ключевых единиц специального текста // Перспективы науки и образования, 2013. № 6. С. 170-175.
5. Ставропольский Ю. В. Качественная социология в Японии // В мире научных открытий (Гуманитарные и общественные науки), 2013. № 9.1 (45). С. 405-413.
6. Тимошук Е. А. Интерсубъективность социокультурного мира // Перспективы науки и образования, 2013. № 6. С. 32-36.

REFERENCES

1. Hiromatsu W. Genshogakuteki shakaigaku no sokei – Alfred Schutz kenkyu-noto. Tokyo, Seidosha, 1991.
2. Nishihara K. Imi no shakaigaku – Genshogakuteki shakaigaku no bouken. Tokyo, Kobundo, 1998.
3. Mori M. Alfred Schutz no Uien. Tokyo, Shinhyoron, 1995.
4. Volgina M.Iu. Translation of terms as the key units of special text. *Perspektivy nauki i obrazovaniia - Perspectives of science and education*, 2013, no.6, pp.170-175 (in Russian).
5. Stavropol'skii Iu. V. Qualitative sociology in Japan. *V mire nauchnykh otkrytii (Gumanitarnye i obshchestvennye nauki) - In the world of scientific discovery (Humanities and social Sciences)*, 2013, no.9.1(45), pp.405-413 (in Russian).
6. Timoshchuk E.A. Intersubjectivity of socio-cultural world. *Perspektivy nauki i obrazovaniia - Perspectives of science and education*, 2013, no.6, pp.32-36 (in Russian).

Информация об авторе

Ставропольский Юлий Владимирович
(Россия, Саратов)

Доцент, кандидат социологических наук, доцент
кафедры общей и социальной психологии
Саратовский государственный университет имени
Н. Г. Чернышевского
E-mail: StJulius@yandex.ru

Information about the author

Stavropol'skii Iulii Vladimirovich
(Russia, Saratov)

Associated Professor, PhD in Sociology, Associate
Professor of the Department of General and Social
Psychology
Saratov State University named after N.G.Chernyshevsky
E-mail: StJulius@yandex.ru